

Медиевистическое источниковедение литературы Нового времени в системе многоступенчатого филологического образования

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы художественной рецепции древнерусской литературы в связи с потребностями и методикой преподавания в магистратуре. Изучение, определение и поиск средневековых источников, использованных в произведениях нового времени, служат расширению компетенций и практических навыков магистрантов-филологов, способствуют более углубленному пониманию как архаического литературного творчества, так и интерпретации современных текстов.

Ключевые слова: источниковедение, древнерусская книжность, средневековая и новая литература, рецепция, межтекстовые связи, магистратура, методика, уровни компетенций

Abstract: The article deals with the problems of teaching of Old Russian literature in a magister's program. The study, identification and search of medieval sources used now help to improve competencies and skills studying philologists, contribute to a better understanding the archaic literary creation interpreted in contemporary texts.

Key words: studying of sources, old booklore, medieval and new literature, reception, intertextual connections, Magistrate, methodics, competence levels

Курс истории древнерусской литературы, как и большинство учебников, обычно завершается на оптимистической ноте. Говорится о традициях средневековой книжности в литературе нового времени. Для медиевиста это звучит утешительно: предмет, приобретая новое качество, жив и после XVII в., стародавние тексты – явление влиятельное, непреходящее. Но для студентов это всегда невнятная скороговорка с маловыразительными примерами самого общего свойства. Специалисты же по литературе новой, естественно, не испытывают по этому поводу особого энтузиазма. Им хватает своих забот, или они попросту не отмечают следы древних текстов. Можно с уверенностью утверждать, что при чтении курса истории русской литературы XVIII в. не найдется достаточно времени и возможности поведать о творчестве братьев Денисовых или анализировать стихотворные фации. А ведь Древняя Русь – после Древней Руси – какое-то время живет по инерции в формах первозаданных, так сказать, пока не «износится подлинное платье».

В борениях минувшего и зарождающегося постепенно древняя книжность станет источником чего-то совершенно иного. Эта интереснейшая и весьма разнообразная область филологических наблюдений не нова, но в то же время далека от исчерпанности и, что особенно существенно, практически неведома нашим студентам. Проблемы художественной рецепции древнерусских произведений, как представляется, приобретают особую актуальность сегодня, когда осуществляется разграничение учебного материала, предлагаемого бакалаврам и магистрантам. Более внимательное обращение к этим вопросам в преподавательской практике позволит преодолеть хронологическую герметичность предмета и, конечно, вновь подчеркнет фундаментальность дисциплины, с которой будущий филолог сталкивается в самом начале обучения, еще не обладая должными навыками и кругозором. При определении стратегии многоуровневого обучения, подразумевающего поэтапный выход на более глубокие горизонты, данная проблематика может придать особый импульс как в изучении самого архаического литературного творчества, так и в освоении инструментария, необходимого при анализе текстов нового времени. Словом, так могут расширяться границы компетенций в рамках магистратуры.

Когда-нибудь будет написана история обращений к древнерусским произведениям писателей XVIII–XX вв. Отдельных наблюдений сделано немало, а вот систематизация, выявление закономерностей в этой сфере – пока что дело будущего. Ведь степень внимания авторов разных времен к средневековым текстам, глубина их понимания – величина непостоянная, зависящая от множества факторов.

За последние полтора-два десятка лет немало написано на темы, закрытые не только в советское, но и в дореволюционное время. Тут и библеизмы, и христианство и русская литература. Всё это важно, но я имею в виду иное. Не следует смешивать подобные исследования и их результаты, подпадающие под понятие традиции, с областью, которая более конкретна и осязаема. Она в чем-то уже понятия традиции и в то же время объемнее того, что мы называем реминисценциями. Назовем ее медиевистическим источниковедением новой литературы. Речь не идет о том, какой образ Древней Руси создал тот или иной писатель или определенная литературная эпоха. Речь об использовании источников, типологии методов работы с ними, преобладании интереса к тем или иным текстам во времени, наконец, о вскрытии «сокровенного слова» в литературе нового времени. Подобный подход подразумевает сопоставление текстов, созданных в разных обществах, учет своеобразия интерпретации источников и, как следствие, более наглядное определение специфики литературного творчества в средневековье. Здесь важна конкретика анализа, а не обзоры общего характера. Наконец, при подобном подходе наглядно предстает история взаимодействия науки и литературы. Поиск и определение древних источников, нередко явленных в «сокровении словес», давших писателю тему, мотив, образ, композиционное решение, повлиявших на выбор жанровой формы, – дело увлекательное и существенное. Объяснение с этой точки зрения авторского замысла, практики использования источника подчас дает неожиданные результаты.

Соотношение старой и новой литератур (в том числе и теоретические аспекты этого соотношения, например связанные со спецификой того или иного литературного рода), – вопросы, находящиеся за рамками собственно медиевистики. Здесь своеобразная порубежная территория, сулящая студенту соприкосновение с целым рядом гуманитарных дисциплин. Кроме того, синтетическая сфера позво-

ляет затронуть внелитературную реальность (воздействие определенной эпохи, ее культурных запросов, общественных представлений, политики, идеологии). Внимание писателей к конкретному периоду книжности XI–XVII вв., исторической фигуре, жанру, стилю, источнику может быть обусловлено внешними влияниями. Здесь присутствуют свои закономерности и некоторая цикличность, не только авторская воля; например, особый интерес к эпохе рубежа XVI–XVII вв. у писателей второй половины XVIII – начала XIX в. или множественные обращения к фигуре и правлению Ивана IV в пореформенной России (А.К. Толстой, И.И. Лажечников, Л.А. Мей, Д.В. Аверкиев, А.Н. Островский), а также в 1930–1940-е гг.

Конечно, наиболее влиятельным оказалось «Слово о полку Игореве». Его многоплановое воздействие на литературу XIX–XX вв. изучено лучше, включая поэтические переложения. Оно, по понятным причинам, гораздо заметнее. Но и тут возможны неожиданные наблюдения, проявления эвристического источниковедения. Например, если в повести Б. Лавренева «Полынь-трава» (1925) пространные периоды текста, восходящие к «Слову», заметны любому читателю, то в небольшом «Слове о гибели земли русской» А. Ремизова (1917) все не так наглядно.

Предлагая вашему вниманию ряд конкретных примеров обращений писателей нового времени к средневековым источникам, буду приводить факты, о которых мне самому приходилось писать. Этот материал разнообразен по форме, но, безусловно, не претендует на какую-либо систематизацию.

Так, в широко известном историческом романе Генрика Сенкевича «Огнем и мечом» (1883–1884) имеются скрытые цитаты из «Слова о полку Игореве»¹. Полонисты этого не замечали. Ведь по своему пафосу это самая антирусская книга польского классика. Другое дело, что Сенкевич использовал «Слово» для создания украинского колорита XVII в. Казачий фольклор, думы – вот фон, на котором неожиданно блеснуло «Слово» в польском историческом повествовании.

Превращение архаического образа в иной, новый художественный образ, например романного повествования, интересно и с теоретико-литературной точки зрения. Здесь не всё укладывается в рамки так называемой интертекстуальности. Например, все мы помним оборот: «седя на санех» из «Поучения» Владимира Мономаха. Обычно его объясняют как намек на древний славянский похоронный обряд. То есть Мономах уже стар и пишет свое «Поучение», прожив долгую, богатую событиями жизнь. Но было и другое толкование этого образа: князь обращается к потомкам, находясь в дальнем странствии зимой. Не будем касаться вопроса убедительности той или иной трактовки. Важно, что необычное словосочетание «седя на санех» стало стержневым для романа Ант. Ладинского «Последний путь Владимира Мономаха» (первая публ. – 1966). Князь едет в санях из Киева в Переяславль и вспоминает всю свою многотрудную жизнь. Это и многозначный образ, и основа композиции нового произведения, да и к поэтике названия имеет отношение. Так Ладинский «примирил» две противоположные позиции, восходящие еще ко временам А.И. Мусина-Пушкина и М.П. Погодина. Его главный герой стар, но в то же время совершает реальное санное путешествие («на далечи пути, да на санех седя»)².

¹ См.: Пауткин А.А. «Слово о полку Игореве» в историческом повествовании Г. Сенкевича // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000. С. 616–624.

² См.: Пауткин А.А. Древнерусские источники XI–XIII вв. в историческом повествовании Ант. Ладинского и Н. Иртенной // Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования. М., 2015. С. 418–436.

В историческом романе перед нами особый вид художественной актуализации средневековых источников, когда устанавливаются непосредственные межтекстовые связи, в отличие от разнообразных вариантов опосредованных обращений к древнерусскому книжному наследию. Конкретное произведение (или произведения) средневековой традиции способствуют созданию новой художественной реальности.

Сюжет средневекового произведения, использованный современным писателем, обычно легко распознается читателем. Так, «Повесть о Петре и Февронии муромских» (1951) А. Ремизова не требует особых источниковедческих объяснений. Не подразумевает их и ряд повестей Н.С. Лескова, основанных на патериковых легендах (например, «Лев старца Герасима» (1888) – Синайский патерик). Но есть у Лескова и тексты с секретом. Так, пасхальный рассказ «Сошествие во ад (апокрифическое сказание)» (1894) нуждается в особом комментировании. В ряде собраний сочинений писателя этот рассказ с интересующей нас стороны никак не комментируется. Сообщается очевидная вещь, вроде: «Далее следует текст на церковнославянском языке». Словом, тут нужен поиск источника и сокровенного смысла. Один знаток творчества Лескова как-то сказал: «Да сам писатель и придумал апокриф. Чего только он не изобретал, учитывая его жанровые искания». Действительно, фантазия и стилизаторские способности писателя были неистощимы. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что в основе всего популярное на Руси апокрифическое Никодимово Евангелие. Для объяснения художественного строя рассказа достаточно верно определить этот источник¹.

Ю.М. Лотман писал, что «Слово о полку Игореве» не открылось перед писателями начала XIX в.² Во многом это так. Штампами стали, например, сравнения «Боян – Гомер», «Боян – полночный Оссиан». И в то же время совершенно иное, более глубокое понимание древнерусских текстов дает не высокая литература, а мемуарная проза. Капитан-артиллерист Г.П. Мешетич, участник войны 1812 г., решил последовать призывам Ф.Н. Глинки писать историю Отечественной войны в духе «Сказания о Мамаевом побоище» и русских летописей. В своих «Исторических записках войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814, 1815 годов» (1818), не предназначавшихся для печати, Мешетич, действительно, сумел прибегнуть к стилистическим приемам воинских повестей Древней Руси³.

Проблема «писатель и древнерусский источник» включает в себя еще один аспект, связанный с поэтапным освоением книжного наследия средневековья. На разных стадиях этого процесса значение исторических сочинений, выполнявших роль посредника, могло меняться. Так, в XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. литераторы, обратившиеся к прошлому Руси, опирались на труды В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова и, конечно, Н.М. Карамзина. Непосредственный контакт с источником был затруднителен и редок. Совмещение исторических исследований с литературной деятельностью давало в этом смысле явное преимущество. Например, Ломоносов в трагедии «Тамира и Селим» (1750) опирался на

¹ См.: Пауткин А.А. В поисках сокровенного. Древняя книжность и иконопись в рассказе Н.С. Лескова «Сошествие во ад» // Русская литература XIX в. и христианство. М., 1997. С. 224–228.

² См.: Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // «Слово о полку Игореве» – памятник XII в. М.; Л., 1962.

³ См.: Пауткин А.А. Традиции древнерусской литературы в «Исторических записках» участника Отечественной войны 1812 г. капитана Г.П. Мешетича // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. М., 1995. С. 197–203.

известные ему рукописные редакции «Сказания о Мамаевом побоище» и списки летописей¹.

С расширением публикаторской деятельности, введением в читательский оборот всё новых произведений XI–XVII вв. использование сведений или отрывков средневекового сочинения, содержащихся в том или ином историческом труде, всё больше уступает место непосредственному обращению к самому памятнику. Наглядным примером может служить описание внешности Григория Отрепьева в сцене «Корчма на литовской границе» в пушкинской трагедии «Борис Годунов» (1825) и поэтическое переложение М. Волошиным финальной части «Летописной книги», приписываемой С.И. Шаховскому («Надписание вкратце о царех московских и о образех их и о возрастех и о нравех») в стихотворении «Написание о царях московских» (1919). Если в первом случае Пушкин опирался на материалы XI т. «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина и конкретный отрывок сочинения Шаховского из примечания ко второй главе (примеч. 205), то Волошин обращается ко всему объему «Надписания», добавляя в свой текст два новых стилизованных портрета (Марины Мнишек и Филарета), воспользовавшись, по всей видимости, фундаментальным изданием Русской исторической библиотеки (т. XIII)².

Путь от научного труда-посредника к работе с полным текстом источника может проследиваться и в творчестве конкретного автора. В раннем сборнике «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (1907) А. Ремизов опирался главным образом на труд А.Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха». Расширение познаний в области древнерусской книжной культуры дало писателю возможность разнообразить круг источников своих произведений.

В XIX в. вместе с углублением научных познаний о древностях все более основательным и глубоким становилось их художественное прочтение. Наука и литература шли рука об руку. Трудно переоценить роль первого издания «Жития» Аввакума, осуществленного академиком Н.С. Тихонравовым в 1861 г. Постепенно менялось отношение к раскольникам и к Аввакуму (от разоблачительства религиозного фанатизма до основательного, документированного изучения этого движения). Менялись и литературные отклики на раскол. В.М. Гаршин в своей рецензии на суриковскую боярыню Морозову («Заметки о художественных выставках», 1887) цитирует и «Житие», и послания протопопа, и более позднюю «Повесть о боярыне Морозовой», а видит в этих людях лишь темных фанатиков, пытается даже поспорить с художником. Его позиция – отражение времени, когда обличал раскольников профессор Н.И. Субботин, и не только он. Столь ранимый и тонко чувствующий жизнь писатель неожиданно остается в рамках официальных воззрений³.

В XX в. Аввакума и его писания ждет совсем иная судьба. Он и воплощение драматизма российской действительности (очерки А.В. Амфитеатрова; поэмы М. Волошина «Протопоп Аввакум», 1919; В. Шаламова «Аввакум в Пустозерске», 1954), и пример непреклонной стойкости (как для красных, так и для белых). В далеком Харбине Арс. Несмелов пишет поэму на материале «Жития» («Протопопи-

¹ О рецепции древнерусских текстов в XVIII в. см.: *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980.

² См.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. СПб., 1909.

³ См.: *Пауткин А.А.* Опыт источниковедческого прочтения статьи В.М. Гаршина «Заметки о художественных выставках» // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. М., 2008. № 4. С. 113–120.

ца», 1938–1939). А один и тот же аввакумовский текст мог цитироваться на Первом съезде советских писателей и в парижском эмигрантском издании (например, очерк И.С. Лукаша «Потерянное слово»¹, 1936), но совсем с иным смыслом. Имею в виду диалог Аввакума с многострадальной Марковной на льду Байкала.

Современные школьники и наши студенты уже не знают о существовании очерка М. Горького «В.И. Ленин». Еще сравнительно недавно он входил в программу для поступающих в вузы. Но и тогда мало кто подозревал, что Горький сравнил в первой редакции Ленина с Аввакумом и Василием Шуйским. Так в прижизненном издании собрания сочинений конца 1920-х гг., но, конечно, не в тридцатитомном. Вот такая занятая текстология. Особая тема – использование писаний Аввакума прозаиками от Д.Л. Мордовцева («Великий раскол», 1880) и Ал. Алтаева (псевд. М. Ямшиковой; «Разоренные гнезда», 1908) до Вл. Бахревского («Тишайший», 1984; «Никон», 1988; «Аввакум», 1997), Д. Жукова («Владимир Иванович», 1979), Ю. Нагибина («Огненный протопоп», 1974) и В. Личутина («Раскол», 1997).

Мы давно ушли от восхваления реформаторской деятельности Ивана Грозного, потребности видеть в опричниках «прогрессивное войско». Правда, и сегодня можно услышать, что царь Иван IV оболган историей еще со времен Н.М. Карамзина. Наши студенты-бакалавры мало что знают об идеологической трансформации образа деспотичного правителя, произвольной, идеализирующей работе литераторов с источниками XVI в. Образ Ивана Грозного и его тексты совершенно по-разному подавались писателями в эпоху реформ Александра II и в сталинские времена. Но, между прочим, в 1930–1940 гг., несмотря на идеологическое давление и заданность прочтения, писатели обладали большим числом источников, позволявших им дать более объемную картину жизни Московской Руси².

Размышлять о характере художественного освоения древнерусского источника писателем нового времени наш студент, конечно, может уже в первом семестре бакалавриата. Вот только понимание того, что средневековая литература – это не только далекое прошлое книжного слова, но и важный инструмент для объяснения текстов гораздо более близких, приходит гораздо позже, когда уже что-то известно о радищевском «Житии Федора Васильевича Ушакова», толстовском «Отце Сергии» и многом ином. Вероятно, уже после ознакомления с литературным процессом XX в. студент-филолог в состоянии рассуждать о том, находился ли А.Н. Толстой под обаянием фигуры Даниила Заточника, когда создавал в «Хождении по мукам» образ освобожденного революцией расстриги Кузьмы Нефедова³, или какими жанровыми ориентирами располагала М. Кучерская, работая над «Современным патериком» (2005). Иными словами, магистрант-русист вполне может, как пелось в некогда популярной песне: «Оглянуться посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я».

¹ И.С. Лукаш писал: «Я напомнил об Аввакуме потому, что он со своей протопопицей, ребятами и черной курочкой должен быть близок всем изгнанным и гонимым, мучаемым и замученным совершенной бесхитростной своей простотой в испытаниях. Это простодушие сильных духом... С улыбкой он поднялся на костер. Он знал то слово о Руси, которое потом мы все потеряли» (цит. по: *Лукаш Иван. Потерянное слово* // Родина. 1996. № 1. С. 109).

² См.: *Пауткин А.А. Иван Грозный: Интермедальность и трансформация образа* // Сборник трудов памяти Николая Ивановича Либана. М., 2015. С. 166–173.

³ См.: *Пауткин А.А. Древнерусская книжность в художественном мире А.Н. Толстого (к проблеме соотношения средневековой и новой литературы)* // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 14. М., 2010. С. 733–743.

В заключение отмечу, что при подобном подходе к материалу весьма существенен аксиологический аспект, когда внимание уделяется не только определению и объяснению межтекстовых связей, но и степени адекватности, глубине и художественности прочтения, а также трансформации средневекового источника в современном тексте. Особенно это важно при анализе произведений рубежа XX–XXI вв., так как очевидны утрата прежнего интереса к источнику, документу, субъективное восприятие прошлого, подкрепляемые постмодернистскими приемами. Сегодня заметно ослабление позиций исторического жанра как основного потребителя средневековых источников. Возникает даже особая линия в современной прозе – «неисторический роман»¹². Именно такой подзаголовок дал своей книге признающийся в своей нелюбви к историческому роману Е.Г. Водолазкин – лауреат премии «Большая книга» 2013 г. Но декларируемая автором «неисторичность» романа «Лавр» отнюдь не означает отсутствия в тексте различных отголосков древнерусских произведений: явных (например, «Александрия», «Физиолог», «Пчела», Киево-печерский патерик) и в значительной мере переосмысленных, завуалированных (жития, в том числе юродивых, рукописные лечебники, литература хождений), умышленно лишенных конкретики источника (например, финальная сцена романа, восходящая к летописному известию 1159 г. о кончине киевского митрополита Константина).

Причины ослабления интереса к историческому жанру кроются не только в изменении вкусов и читательских запросов. Слишком глубоки социальные перемены, дискредитировавшие массовые представления о поступательном историческом развитии, предсказуемости общественных процессов. В профессиональном сообществе уже давно начался поиск новых методов в подходе к исторической информации, иных способов «организации диалога историка с источником»¹³. Думается, медиевистическое источниковедение новой литературы как часть профессиональной подготовки магистрантов не только способно продемонстрировать студенту различие между подлинно художественной реставрацией прошлого и его безоглядной реконструкцией, но и расширит практические навыки анализа текстов различных эпох.

ЛИТЕРАТУРА

Данилевский И.Н. «Повесть временных лет»: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. 383 с.

Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // «Слово о полку Игореве» – памятник XII в. М.; Л., 1962. С. 330–405.

Лукаш Иван. Потерянное слово // Родина. 1996. № 1. С. 106–109.

Маглий А.Д. Неисторический роман XXI века // Stephanos. 2016. № 1(15). С. 65–73.

Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980. 264 с.

Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. Л., 1925. 864 с. (Русская историческая библиотека. Т. 13)

Пауткин А.А. Традиции древнерусской литературы в «Исторических записках» участника Отечественной войны 1812 г. капитана Г.П. Мешетича // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. М., 1995. С. 197–203.

Пауткин А.А. В поисках сокровенного. Древняя книжность и иконопись в рассказе Н.С. Лескова «Сошествие во ад» // Русская литература XIX в. и христианство. М., 1997. С. 224–228.

Пауткин А.А. «Слово о полку Игореве» в историческом повествовании Г. Сенкевича // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000. С. 616–624.

Пауткин А.А. Опыт источниковедческого прочтения статьи В.М. Гаршина «Заметки о художественных выставках» // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. М., 2008. № 4. С. 113–120.

Пауткин А.А. Древнерусская книжность в художественном мире А.Н. Толстого (к проблеме соотношения средневековой и новой литературы) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 14. М., 2010. С. 733–743.

Пауткин А.А. Древнерусские источники XI–XIII вв. в историческом повествовании Ант. Ладинского и Н. Иртеневой // Древняя Русь: Пространство книжного слова. Историко-филологические исследования. М., 2015. С. 418–436.

Пауткин А.А. Иван Грозный: Интермедальность и трансформация образа // Сборник трудов памяти Николая Ивановича Либана. М., 2015. С. 166–173.

REFERENCES

Danilevsky I.N. (2004) “The Tale of Bygone Years”: Hermeneutical Bases of Studying of Annalistic Texts. Moscow. 383 p.

Lotman Yu.M. The Song of Igor’s Campaign, The Lay of Igor’s Campaign – a Monument of XII century. Moscow; Leningrad. 1962, pp. 330–405.

Lukash Ivan. The Lost Word. *Rodina*. 1996. No 1, pp. 106–109.

Magliy A.D. Non-Historical Novel of the XXIth century. *Stephanos*. 2016. No 1(15), pp. 65–73.

Moiseeva G.N. (1980) Old Russian Literature in the Artistic Consciousness and Historical Thought of the XVIIIth century in Russia. Leningrad. 264 p.

Monuments of Old Russian Cyrillic Literature, Relating to the Time of Troubles. Leningrad. 1925. 864 p. (Russian Historical Library. Vol. 13)

Pautkin A.A. Traditions of Old Russian Literature in the “Historical Notes” of Captain G.P. Meshetich, a Participant of the Patriotic War of 1812. In: Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 8. Moscow. 1995, pp. 197–203.

Pautkin A.A. In Search of the Hidden. The Old Russian Booklore and Iconography in Leskov’s Story “Soshestvie vo Ad”. In: Russian Literature of the XIXth century and Christianity. Moscow. 1997, pp. 224–228.

Pautkin A.A. “The Tale of Igor’s Campaign” in the Historical Narrative of H. Sienkiewicz. In: Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 10. Moscow. 2000, pp. 616–624.

Pautkin A.A. The Experience of Studying of the Sources of V.M. Garshin’s Article “Notes on the Art Exhibitions”. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 2008. No 4. С. 113–120.

Pautkin A.A. The Old Russian Booklore in the Literary Work of A.H. Tolstoy (on the problem of the relation of medieval and contemporary literature). In: Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 14. Moscow. 2010, pp. 733–743.

Pautkin A.A. Old Russian Sources of XI–XIII centuries in the Historical Narrative of Ant. Ladinsky and N. Irtenina. In: Ancient Russia: The Space of the Book Word. Historical and Philological Studies. Moscow. 2015, pp. 418–436.

Pautkin A.A. Ivan the Terrible: Intermediality and Transformation of the Image. In: The Collected Materials of Nikolai Ivanovich Liban Memory. Moscow. 2015, pp. 166–173.

Сведения об авторе:
Алексей Аркадьевич Пауткин,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
apautkin@yandex.ru